

УДК 821.161.1

*М.В. Серова***СУДЬБА КАК ОБЪЕКТ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В СТИХАХ АЛЛЫ КУЗНЕЦОВОЙ**

В статье рассматривается экзистенциал «судьба» в системе поэтической рефлексии Аллы Кузнецовой. Данный художественный опыт вписывается в контекст философской и литературной традиции мировой культуры, а также проецируется на мифологический дискурс. Тема судьбы оказывается магистральной в художественном мышлении лирической героини А. Кузнецовой, которая пытается понять и объяснить драматизм собственной биографии историческими, социальными, психологическими и др. детерминантами. Все усилия героини проникнуть в суть причинно-следственных связей жизни оказываются безуспешными, однако ей все-таки удается уловить смысл своего недолгого пребывания в этом мире. Лирический сюжет, обусловленный данной философской рефлексией, наглядно отражает экзистенциально-онтологические запросы удмуртского футуризма, несмотря на то, что персона Аллы Кузнецовой, как правило, не соотносится впрямую с этим, несколько более поздним, эстетическим феноменом. Для современного читателя эмоциональная достоверность интеллектуального накала лирики Кузнецовой усиливается самой биографией поэтессы – в первую очередь ее трагическим началом и не менее трагическим концом. Стихи Аллы Кузнецовой цитируются в русских переводах, так как статья рассчитана на русскоязычного читателя, мало знакомого с оригинальной удмуртской поэзией в силу объективного языкового барьера.

Ключевые слова: экзистенциал, судьба, поэтическая рефлексия, поэзия Удмуртии, мифопоэтика, жанр, сюжет, детерминизм.

Алла Кузнецова родилась в 1940 году в деревне Чимошур Завьяловского района Удмуртской республики. С 1956 года работала на кирпичном заводе чернорабочей, затем на машиностроительном заводе фрезеровщицей, продавцом книжного магазина. Жила и трудилась в различных городах: библиотекарем в городе Орле, воспитательницей в тубсанатории города Чарджоу, в Вологде – на дорожном участке. В 1974 г. окончила заочную среднюю школу.

Первый сборник стихотворений («Строки тебе») напечатан в 1976 г. Была членом Союза писателей России. Лауреат национальной премии им. Ашальчи Оки. Жизнь А. Кузнецовой трагически оборвалась в 2003 г. [8. С. 154].

Даже вышеприведенная официальная биографическая справка заставляет задуматься о непросто судьбе этой женщины и о ее психотипе, во многом обусловленном самой датой рождения – накануне исторической катастрофы, сломавшей многие судьбы «детей войны» и деформировавшей самые естественные межличностные, семейные, связи. Речь идет о сугубо «женском» быте военной и послевоенной советской деревни, где прошло детство известной и, возможно, самой яркой удмуртской поэтессы. Ее жизненная история одновременно уникальна и типична.

Уникальность состоит в максимальной творческой реализации Золушки, как назвала Аллу Кузнецову писательница и журналистка С.П. Пушина-Благинина, написав о ней сказку, которую мы приведем полностью, поскольку в ней обнажен изначально заданный трагизм конкретной человеческой биографии, в то же время типичный, даже схематичный, для эпохи, заведомо исключившей счастливый «сказочный» финал: «... Послала мама дочку щепок принести для таганка. А поручение это мудреное для нее после детдома, в котором она жила при живой матери. Та училась в Сарапуле на агронома и от хлопот с дочерью решила избавиться. При этом вступила в партию, и заставили ее забрать дочь из приюта. Собирает девочка щепки, а они все разные: одна на зайчика похожа, другая – на крокодильчика, третья – еще на кого-то. За медлительность со щепками избил ее мать родимая до судорог палкой. В другой раз голову пробил сковородником за то, что валенки медленно надевала. Третий раз бил за то, что Лиля, младшая сестра, потеряла платок, выступая в школе, а досталось старшей. Постели у Аллы не было, спала она чаще всего на полу, в тряпье рядом с поросенком. Помнит хорошо, как мать из-за нее выгнали с работы. Агрономам по ночам надо было приносить с поля дождемер. И посылала мать в ночь-полночь в любую темень снова ее, Аллу. От страха дождевая вода у нее проливалась, и доливала она воду из лужи или речки. У других агрономов показатели были правильные... А причину увольнения матери поняла уже взрослой.

Детдомовские годы она называет самыми светлыми. Там ее не били, любили. Снегурочкой всегда назначали, стихи свои читать просили. А мать стихи в печку бросала. Еще любила ее учительница

литературы. После очередных побоев ночевала у нее Алла не раз. И невестка Ира жалела и любила, обувь свою дарила, потому что мать ни разу не купила ей ботки.

Не знала мать Аллы, что дочь ее станет поэтессой. А пока окончила она обязательные семь классов и ушла из родимого дома куда глаза глядят. В люди. Учиться больше не довелось, до сих пор постигает лишь горькие университеты жизни. Мать ей в дорогу копейки не дала, кукишь показала на прощание. Было это в деревне Казмаска Завьяловского района, а родилась поэтесса Кузнецова рядом – в Чемошуре. Этой деревне посвящено название одного из ее сборников» [4. С. 211].

Творчество Аллы Кузнецовой неоднократно привлекало к себе внимание удмуртских литературоведов. Традиционно оно рассматривалось в сопоставлении с художественным опытом Людмилы Кутяновой, Татьяны Черновой, Галины Романовой [12. С. 155]. А.С. Измайлова-Зуева отмечает в качестве художественного своеобразия поэтессы «драматическую напряженность переживаний, силу чувств, энергию действий» [6. С. 7]. Характеризуя психологический тип лирической героини Кузнецовой, исследовательница пишет о ней как о «женщине нелегкой судьбы, пережившей трудное военное детство, потерю родных, детдомовские будни. Бесхитростная в жизни, искренняя в своих мыслях и побуждениях, лирическая героиня нередко ошибается, горько страдает («Скользкая дорога...», «Пей, Красавка...»), но никогда не теряет веры в доброе начало и извечную тягу к любви («Почему я от роду такая?...») Любовная лирика А. Кузнецовой страстная и исповедальная, это гимн земной женщине» [6. С. 6-7]. Отмечая магический аспект как актуальный для удмуртской женской поэзии в целом, по поводу его семантической функциональности в стихах Кузнецовой А.С. Измайлова-Зуева утверждает: «Любовь-страсть заставляет лирическую героиню обратиться к любовной магии, и здесь обязательно присутствие любимого человека. Именно “грешная и святая, возвышенная и земная” женщина А. Кузнецовой, противоречивая, как мир и сама любовь, осознает значимость любви для человека. В любовной лирике поэтессы выражается весь спектр эмоциональных переживаний влюбленной женщины. Любовь заставляет ее уступать и ненавидеть, жертвовать идти на преступление. Поэтому в лирике А. Кузнецовой мы находим все виды и жанры заклинательной поэзии: обращения-призывы, заклички, благопожелания, проклятия, языческие молитвы, присушки, отсушки. [...] В творчестве А. Кузнецовой часто можно встретить открытый магический текст в его фольклорном варианте» [7. С. 10-12].

Весьма важный психологический компонент в мироощущении поэтессы отмечает А.А. Арзамазов, рассматривая «феномен поэзии, судьбы удмуртской поэтессы [...] как сложное социокультурное и психологическое явление, демонстрирующее личную незаинтересованность в оптимизации, налаживании тыла, повседневности, «объективных параметров» жизни. В сознании А. Кузнецовой, вероятно, работал механизм саморазрушения, самоуничтожения. В этом смысле «тексты» биографии и творчества поэтессы отчасти сближаются с онтологией деструкции Владимира Романова и Михаила Федотова. [...] Нельзя не сказать, что поэтическая эмоциональность А. Кузнецовой с трудом вписывается в рамки удмуртской женской лирики. Авторское «Я» не боится быть беспрецедентно откровенным. Выносить на обозрение то, о чем принято молчать, что принято «метафоризировать». Эротические обертоны поэзии А.Кузнецовой «раскалывают» женскую половину удмуртской словесности на «до» и «после», делая возможным почти невозможное. Складывается впечатление, что поэтесса бросает вызов консерватизму вкусов удмуртского читателя, ей нравится нарушать запреты» [2. С. 54-55]. Это замечание ученого отчасти объясняет ставшее уже традиционным сравнение поэтического явления А.Кузнецовой в удмуртской поэзии с экспрессивной моделью творческого поведения Марины Цветаевой [7. С. 19; 9. С. 49]. И, конечно, все исследователи творчества поэтессы, анализируя ее «образный язык», возводили его к фольклорному срезу удмуртской культуры, к творчеству Ашальчи Оки, Кузубая Герда, Флора Васильева, Н. Байтерякова, А. Белоногова и других. Эти имена объединяет и то обстоятельство, что в поэтическом мире каждого ключевым является природно-пейзажный код» [2. С. 55]. По мнению А.А. Арзамазова, «природно-пейзажный код в творчестве Аллы Кузнецовой – стержень поэтики, основной язык самовыражения. Героиня поэтессы – дитя природы, отчасти дикое, асоциальное, инстинктивное, живущее по своим законам» [2. С. 67].

Безусловно соглашаясь со всем вышесказанным, нельзя не отметить некоторый пробел в интерпретации художественного психотипа Кузнецовой, который, на наш взгляд, связан с весьма важной тенденцией в проблемно-тематическом диапазоне ее поэзии: это мучительная саморефлексия по поводу логики собственной жизни, потребность в самопознании, в постижении закономерностей трагизма своей судьбы, причем, не только чувственными практиками, но и интеллектуальным напряжением.

Как пишет современный философ С.С. Жигадло, «экзистенциал «судьба» до сих пор не получил статуса философской категории. Он чаще всего использовался как метафора личной жизни» [5]. В некотором смысле полемизируя с С. Аверинцевым, ученый развернул широкий диапазон философских концепций, базирующихся на этой категории (Гегель, Зиммель, Шпенглер, Сартр, Тиллих, Лосев и др), и пришел к выводу, что данный экзистенциал давно вышел за пределы сферы мифологического сознания в область научного знания. Позволим себе усомниться в легитимности подобного утверждения, оправдывая свои сомнения словами самого ученого, с которыми мы полностью согласны: «Жизнь – это сфера [...] существования, а не сущности. Именно в сфере существования становятся значимыми такие понятия, как судьба, любовь, тоска, озабоченность, совесть и многие другие. Конечно, можно говорить о зависимости человека от внешних или внутренних сил относительно к переживаниям человека, но когда мы начинаем включать последние в поле своего исследования, вот тогда и встает необходимость оперирования понятием «судьба» [5]. Учитывая категорию «переживания», можно заключить, что экзистенциал «судьба» – категория мифопоэтическая и вполне актуальная в собственно лирическом дискурсе.

Ярким образцом поэтической рефлексии на эту тему является пушкинское «Воспоминание» 1828 года:

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминанье безмолвно предо мной
Свой длинный развивают свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю [10. С. 420-421].

Как считает С. Аверинцев, «идея Судьбы связана с двумя различными измерениями человеческого существования: биологическим и социальным. Первое дает переживание слепой неотвратимости жизненного пути, бессознательный ритм крови и пола, принудительность инстинктов [...] Однако на более глубинном уровне идея Судьбы, как и соотношенная с ней идея свободы, насквозь социальна; мало того, природная несвобода в большей степени служит для человеческого сознания лишь символом биологической несвободы. Характерная этимология русского слова «судьба», находящая аналогии во многих языках: «Судьба есть “суд”, “приговор”, но не в аспекте справедливости (как суд теистического Бога), а в иррациональном аспекте принуждения, суд, увиденный глазами человека, которого “засуживают” (ср. “Процесс” Кафки). В символике суда и приговора социальная природа идеи Судьбы выступает с полной ясностью: Судьба – это вещно-непроницаемое, неосмысленное и неотвратимое в отношениях между людьми» [1. С. 401].

Вышеприведенную аналогию, связанную с пониманием судьбы как социальной несвободы, символически отражающей закон несвободы биологической, в свое время очень чутко уловила А. Ахматова в «Подражании Кафке»:

Другие уводят любимых, –
Я с завистью вслед не гляжу.
Одна на скамье подсудимых
Я скоро полвека сижусь.
Вокруг пререканья и давка
И приторный запах чернил.
Такое придумывал Кафка
И Чарли изобразил.

И там в совещаниях важных,
 Как в цепких объятиях сна,
 Все три поколения присяжных
 Решили: виновна она.
 Меняются лица конвоя,
 В инфаркте шестой прокурор...
 А где-то чернеет от зноя
 Огромный небесный простор,
 И полное прелести лето
 Гуляет на том берегу...
 Я это блаженное «где-то»
 Представить себе не могу.
 Я глохну от зычных проклятий,
 Я ватник сносила дотла.
 Неужто я всех виноватей
 На этой планете была? [3. С. 244-245].

В современной русскоязычной поэзии Удмуртии также можно обнаружить примеры того, как этимология слова «Судьба» становится развернутой метафорой, на которой базируется сюжет «большого стихотворения». Вот два фрагмента из творчества ижевского поэта В.Шихова, второй из которых является *замещением, или вытеснением* предыдущего:

1. Судьба есть суд. Судьба есть суть. Тебе
 Не знать ли это – дикий мед, акриды,
 Но не останавливайся при ходьбе,
 Коль за тобою вслед кариатиды,
 Как за царицей-маткой пчельный рой... [13. С. 140].
2. Нет памяти о прежнем. Уж тебе
 Не знать ли это – дикий мед с росой,
 Но не оглядывайся при ходьбе,
 Коль за тобою вслед подобно рою
 И веренице времени, легло
 Пространство в дымке, что в господнем свете... [14. С. 7].

Нам уже приходилось писать о том, что «подобного рода “правка” – не текстологического, а экзистенциального свойства. В первом случае перед нами определенный “финал” биографии. Во втором – выбор другого варианта человеческого и творческого удела, или судьбы. Нужно ли комментировать, что *такое* доступно только высокой поэзии и возможно для того, кому *такое* понимание доступно» [11. С. 92].

На наш взгляд, вышеприведенный пример из художественного опыта Шихова подтверждает убеждение Аверинцева в том, что экзистенциал «судьба» реализует себя в сфере мифопоэтического сознания, для которого актуален магический компонент весьма часто, о чем писала уже А.С. Измайлова-Зуева по поводу удмуртской женской поэзии, выступающий как структурно-семантическая основа целого текста и, более того, доминанта поэтической системы.

В поэтическом мире Аллы Кузнецовой тема судьбы воплощается не только в системе магических жанров (гадания, заклинания и т.п.), но и в форме размышлений, раздумий ее лирической героини по поводу Божественного Замысла о своей жизни и его результата. Эти размышления, выстроенные в поэтический сюжет, она проецирует на мифологический контекст, апеллируя к участию богов языческого пантеона, как удмуртского, так и античного, что указывает на широкий философский диапазон ее рефлексии. В стихотворении с эпиграфом из греческой мифологии («Красивейшей из красивых») она, как вспоминают современники Аллы Кузнецовой, действительно, обладающая исключительной красотой, отмечает изначальную благосклонность к ней удмуртского доброго бога Кылдысина, который бросил ей «яблоко счастья»:

– Счастливейшей из счастливейших, -
Объявил сам бог Кылдысин,
Когда бросил ижевским девчатам
Ярко-рыжее яблоко счастья.
Я поймала его! Я поймала!
Но красой неземной пленясь,
Надкусить и съесть не посмела,
Лишь, любуясь, поцеловала.
В этот миг мое яблоко счастья
Кто-то вырвал из рук моих... [8. С. 155].

Так, «прельстясь» красотой божественного подарка, героиня, не правильно его «употребив», потеряла свою счастливую судьбу, которую сладостно вкусила другая, менее романтическая претендентка на житейское благополучие:

Та, другая, вкушает счастье.
Слышен сладостный хруст.
Я в сторонке
Только молча стою и смотрю...
А застолье шумит:
– Горько!
– Горько! [8. С. 155-156].

Мотив «горечи» жизни еще не раз проявит себя в размышлениях героини Кузнецовой о своей не мифологизированной, а реальной биографии: «...О, как мне горько было!» («Неласковая родина моя...» [8. С. 156]). Отметим философское противоречие между эпиграфом стихотворения «Красивейшей из красивейших!» и его начальной строкой «– Счастливейшей из счастливейших...», которое актуализирует народную мудрость, выраженную поговоркой: «Не родись красивой, а родись счастливой».

Однако олимпийским богам все-таки удалось сполна «одарить» лирическую героиню Кузнецовой, но не тем, что она от судьбы ожидала:

В юности,
Может быть, в детстве когда-то
Меня посетила богиня Эрато.
С огромной сумою словесного груза
Явилась незванная муза [8. С. 154].

Несмотря на то, что прелесть этого подарка героиня вновь оценила за его нематериальную красоту («Эрато со мною по снам побродила, / Прекрасные образы строф подарила»), ее испугал Пегас, без которого невозможно подняться на подлинную поэтическую высоту, даже дойдя до Парнаса в сопровождении поэтической музыки:

Легко и свободно мы шли до Парнаса,
Чтоб быть на вершине, позвали Пегаса.
Примчался Пегас, и земля загудела...
Как солнце слепило крылатое тело!
Под кожей коня каждый мускул играл.
Меня дожидаясь, он громко заржал.
И волосы дыбом у глупой девчонки.
От страха дрожали коленки, ручонки [8. С. 155].

Олимпийские боги и их волшебные помощники духовной слабости перед *божественным призыванием* не прощают, оставляя своих избранников в одиночестве, обрекая самостоятельно справляться с восхождением на горные поэтические вершины:

Умчался Пегас мой, презрительно фыркнув,
И выю, как лебедь, по-гордому выгнув.
С тех пор и во сне не седлаю Пегаса,
Хотя и брожу у подножья Парнаса [8. С. 155].

Так лирическая героиня Кузнецовой оказалась обречена на неполную творческую самореализацию, спасовав перед собственной поэтической судьбой:

И лишь иногда без словесного груза
Заглянет в окно недоверчиво муза.
И лишь иногда, для тебя, мой любимый,
Я строчки ишу, что тогда обронила,
Ту лирику сердца, что в детстве когда-то
Так щедро дарила богиня Эрато [8. С. 155].

Осознав в процессе художественной саморефлексии свой жизненный удел – обреченность на тяжкий поэтический труд, исключаящий эйфорию вдохновения, которым ее обделили боги, лирическая героиня в конце концов смиренно принимает его:

Видать, такую уж несчастной уродилась
По божьей воле.
По божьей воле и, видать, не боле,
Пашу я это поэтическое поле [8. С. 156].

Идея судьбы как социальной и биологической несвободы, о чем писал С.Аверинцев, является содержанием стихотворения А. Кузнецовой «Неласковая родина моя...», финал которого мы процитировали выше. Здесь образ родины – не матери, а мачехи как первопричины общего жизненного неблагополучия героини вбирает в себя как историко-культурный, так и биографический детерминизм жизни:

Неласковая родина моя,
За что меня ты невзлюбила?
При матери живой
Росла я сироткой.
Почище мачехи она меня бранила,
До полусмерти била.
...О, как мне больно было!

Неласковая родина моя,
Ты даже юность отняла мою.
За что же песни о тебе пою?
За что люблю?
Уж не за то ли, что полы чужие мыла,
А платья постирнуть себе не находила мыла?

...Мне так обидно была.
Неласковая родина моя,
Уж ни за то ли я горжусь тобою,
Что и при муже я жила вдовою
И от отчаянья чужих мужей любила,
И, как обычно, для любимых
Была немилрой [8. С. 156].

Несмотря на эмоции «больно», «обидно», «горько», героиня постулирует принцип верности, любви и даже восхищения к первоисточнику собственной боли, обиды и горечи – принцип смирения, при всей стихийности и экспрессивности натуры, своеобразие которой отмечали все исследователи:

Неласковая родина моя,
Я все же от тебя не отрекаюсь,
Твоею красотой восхищаюсь,
И с нелюбовью я смирилась [8. С. 156].

Личный опыт женского одиночества позволит ей понять и простить собственную мать, поведение которой героиня оправдывает нележкой, трагической судьбой, и в материнском сознании многое подвергшей переоценке, разбудив нереализованное по отношению к дочери чувство нежности к внуку:

...И вспыхнут снега над далекой судьбой...
Зима заметает следы за тобой.

.....
Из той деревушки,
 которую звать
Завьялово,
 Ходит сюда моя мать.
Не часто –
 Уж больно идти тяжело:
Дороги глухие давно замело.
Поплачет, усталая, глядя в огонь, –
Внучонку на плечи опустит ладонь.
Ты – вечный огонь,
 Предвечерний помин.
Припомнит отца –
 то, как встретила с ним.
...И снова – дорогой в Завьялово – мать
Уйдет.
А от снега ни зги не видать... [8. С. 157-158].

Таким образом, осмысливая свою судьбу в контексте родовых связей и исторической обусловленности, героиня видит в ней принцип дурной повторяемости обстоятельств, некий «погибельный круг», который не в силах разомкнуть никакой магией, только мольбой, обращенной к Высшим силам, персонифицирующим Судьбу:

Беляки уничтожили деда.
И отец пал в военные лета.
Сына путь сквозь пустыню лежит.
След кровавый по цинку бежит.
В колыбели аукает внук...
Не замкнись же, погибельный круг [8. С. 157].

В стихотворении «Молитва» героиня напрямую обращается к Богу с исповедью, пробуя испросить у него прощения, возложив ответственность за свою «непутевую» жизнь на саму себя:

Господи, Боже ты мой, прости меня грешную:
За писанину небрежную,
За боль цветов, мною сгубленных,
За любовников недолюбленных,
За всех мужей, мною брошенных,
За нерожденных мной...
недоношенных....
За то, что иконою Ленин,
За тонны душевной лени,
За поклонение Сталину,
За медных крестов окалину... [8. С. 165-166].

Но в данном случае ее религиозная саморефлексия выливается в богоборческий акт, в предъявление вины, в упрек христианскому Богу, который сам сотворил человека, наделив его греховой природой:

За то, что с друзьями
Хоть локти огложем,
А жить по заветам твоим мы
Не сможем.
... Да не сам ли такими
Создал ты нас, Боже? [8. С. 166].

И, несмотря на то, что такая парадоксальная исповедь заканчивается традиционной формулой: «Господи, Боже ты мой, прости меня грешную», героиня предпочитает, хоть и в ироническом дискурсе, отстаивать перед социумом свое право на то, чтобы быть самой собой, формулируя свои нравственные ориентиры:

Зачем городят огород?
 Чтоб не топтал посевы скот.
 Дверь запирают на замок,
 чтоб не проник в квартиру вор.
 И сердце спрятано внутри,
 чтоб тайна там скрывалась...

А я замок сняла – смотри –
 чтоб дверь не закрывалась.
 Я огород не горожу –
 и скот цветы не топчет.
 Я тайну в сердце не держу –
 и злость его не точит.
 И разорить никто не смог
 меня в моей отчизне...

Чему смеешься ты, дружок?
 Чем плох мой образ жизни? [8. С. 165].

Такой взгляд на себя в какой-то мере если не объясняет все причинно-следственные связи жизни, то дает основания для героини соотнести «судьбу» и «характер». Как пишет С. Аверинцев: «... то, что судьба не сваливается на человека извне, а развертывается из него самого, определяет “физиономический” стиль классической греческой философии [...] Герои трагедий Эсхила, сколько бы ни страшен был их удел, не могут пожелать себе иной судьбы, ибо для этого им пришлось бы пожелать самих себя иными [...] Если для “предстояния” библейскому Богу нужны твердость и ответственность мужчины, для пассивного медиумического вещания судьбы пригодна только женщина» [8. С. 407].

Однако героиня Аллы Кузнецовой по-мужски настаивает на праве при любых обстоятельствах оставаться собой, апеллируя не к христианскому, а к языческому Богу, родство с которым позволяет ей не чувствовать ни своего экзистенциального одиночества, ни биографического сиротства [7. С. 20]:

Бог погоды, Куазь, я твоя дочь!
 Залетела в глаза мои
 темная ночь,
 надо лбом
 вьется черная туча кудрями,
 луны желтые
 стали моими глазами,
 и подобно лицу мое – солнцу.
 Но если
 на душе грусть-назола,
 я плачу дождями,
 если радость –
 то радугой я в поднебесье.
 А когда не по мне что-то –
 молнией, громом
 становлюсь над своим же я домом [8. С. 166].

Тем не менее, даже языческий Бог, с которым героиня Кузнецовой отождествляет свой образ и в котором видит свое подобие, не удовлетворяет главный онтологический запрос ее существования:

Бог погоды, Куазь, без тебя нет и дня.
 Вечен ты.
 Ну а что ожидает меня? [8. С. 166].

В итоге героиня обречена сама терзаться неразрешимыми вопросами существования, пытаюсь найти ответы на них в понятных для нее образах природы. По Аверинцеву, «судьба выражает себя для грека в природных событиях (гром и молния, полет птиц...)» [1. С. 407]. Самым частотным образом в «природно-пейзажном коде» [2] лирики Кузнецовой является образ реки, тесно связанный с пороговыми состояниями в психике героини (см., например, «По-за речкой Позимь...»:

Посижу над речкой.
Посижу – поплачу.
Солоно-несолоно,
А пришлось хлебать.
Все перегорело.
Что же это значит?
Как вы мне прикажете
Это понимать? [8. С. 158].

Все интеллектуальные усилия лирической героини понять «Что же это значит» не дают ей никакого духовного результата, так как «...судьба не только скрыта от человеческого ума (как многие случайные связи), не только непознаваема (как и Провидение) – она «слепа» и безотносительна по отношению к познающему субъекту, по самому своему бытию. Судьба не просто скрыта в некоей темноте, не высветленная никаким смыслом [...] У судьбы есть (в глазах верящего в нее) реальность, но нет никакой “истинности”, а поэтому [...] ее немислимо познать, ибо в ней принципиально нечего познавать» [1. С. 406]; «идея судьбы исключает смысл и цель. “Почему в бесконечности падений и восхождений небесного огня – сущность космоса? Ответа нет, и вопрошаемая бездна молчит (Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука. М., 1927. С. 231)”» [1. С. 407].

И все-таки героине Кузнецовой удастся обрести понимание, если не логики своей трагической судьбы, то смысла жизни, катастрофически «разбившейся» в автомобильной катастрофе в 2003 году:

Комета вспыхнет лишь на миг –
и яркий свет вдали растает.
И словно правду сердце знает:
– Ведь это счастья чей-то крик!
Как скоротечна жизнь комет.
И все же их завидна участь.
Вот так бы мне, стихами мучась,
над чьей-то жизнью, чьей-то тучей
пусть хоть на миг исторгнуть свет [8. С. 167].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С.А. Судьба // *Философская энциклопедия* в 5 т. М., 1970. Т. 5. С. 159.
2. Арзамазов А.А. Удмуртская поэзия второй половины 1970-х – начала 2010-х годов: Человек, природа, город. Ижевск, 2015. 326 с.
3. Ахматова А. Собр. соч.: в 2 т. М., 1996. Т. 1. 447 с.
4. Благинина-Пушина С.П. Удмуртка. Обнаженный портрет с израненной душой. Ижевск, 2008. 411 с.
5. Жигадло С.С. Судьба как объект философской рефлексии // *Омский научный вестник*. № 4 (89). 2010.
6. Измайлова-Зуева А.С. Поэзия женского сердца // *Мир женской души*. Ижевск, 1992. С. 3-11.
7. Измайлова-Зуева А.С. Любовная магия в удмуртской женской лирике // *Италмас*. Ижевск, 2010. № 1. С. 18-23.
8. Кузнецова А. «Я все же от тебя не отрекаюсь...» // *Никуда этот мир не исчезнет... Поэзия Удмуртии: избранное*. Ижевск. 2015. С. 154-167.
9. Пантелеева В.Г. Удмуртская поэзия и перевод. Анализ, интерпретации, комментарии. Ижевск, 2016. 247 с.
10. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 3 т. М., 1985. Т. 1. 653 с.
11. Серова М.В. Жанровая доминанта в творчестве В. Шихова // *Проблема культурно-исторической идентичности в литературе Удмуртии*. Ижевск, 2014. С. 86-100.
12. Федорова Л.П. Краткая история удмуртской женской литературы // *Движение эпохи – движение литературы: Удмуртская литература XX века*. Ижевск, 2005. С. 155-167.
13. Шихов В. Тени. Ижевск, 2000. 120 с.
14. Шихов В. Руны: вторая книга стихов. Ижевск, 2005. 120 с.

*M. V. Serova***DESTINY AS AN OBJECT OF POETIC REFLECTION IN THE POETRY BY ALLA KUZNETSOVA**

The article discusses the existence of "fate" in the poetic reflection of Alla Kuznetsova. This artistic experience fits in well with the context of philosophical and literary traditions of world cultures and can be projected onto a mythological discourse. Fate becomes the main theme in the artistic thinking of the lyrical heroine of A. Kuznetsova, who tries to understand and explain the drama of her past by historical, social, psychological and other determinants. All efforts of the heroine to capture the essence of the causality of life are in vain, but she still manages to make sense of her brief stay in this world. The lyrical theme, determined by this philosophic reflection, clearly reflects the existential-ontological queries of the Udmurt futurism despite the fact that the personality of Alla Kuznetsova, as a rule, does not correlate directly with this, somewhat more recent, aesthetic phenomenon. For the modern reader the emotional reliability of intellectual intensity of the lyrics by Kuznetsova is enhanced by the biography of the poetess – first and foremost, by its tragic beginning and no less tragic end. Poems by Alla Kuznetsova are cited in Russian translations, because this article is intended for Russian-speaking readers who are little familiar with the original Udmurt poetry because of an objective language barrier.

Keywords: existence, destiny, poetic reflection, poetry, Udmurt Republic, poetics, genre, plot, determinism.

Серова Марина Васильевна,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: serova1967@inbox.ru

Serova M. V.,
Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: serova1967@inbox.ru